

И.П. Минаев

**Новые исследования о
буддизме.**

Отзыв о труде

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.П. Минаев**
Новые исследования о буддизме.: Отзыв о труде / И.П. Минаев – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-9444-3

Журнал министерства народного просвещения.

ISBN 978-5-4241-9444-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

шимъ возможность не только исправить прежніе переводы, но и изготовить новыя съ памятниковъ, открытыхъ въ послѣдніе годы. Таково, по мнѣнію издателя, въ общихъ чертахъ значеніе обнародованныхъ и предполагающихся къ дальнѣйшему изданію переводовъ священныя книги. Быть можетъ, многіе читатели пожелаютъ большей полноты въ общемъ введеніи къ первому тому и найдутъ также, что значеніе изданныхъ переводовъ въ области изслѣдованій о зародышѣ, ростѣ и паденіи религіи человѣчества не отмѣчено съ достаточною определенностью; весьма вѣроятно, восполнить этотъ пробѣлъ составитъ задачу всѣхъ специальныхъ введеній къ отдѣльнымъ томамъ изданія, и дѣйствительно въ предисловіяхъ и руководящихъ введеніяхъ къ уже появившимся переводамъ затрогиваются и частью разрѣшаются вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ сей часъ указанной области изслѣдованій.

I.

Въ настоящей замѣткѣ предполагается познакомить читателя съ содержаніемъ двухъ томовъ, посвященныхъ буддйскимъ священнымъ книгамъ, именно съ томами X и XI. Не смотря на то, что переводы въ обоихъ томахъ не представляютъ для знакомыхъ съ литературой предмета доселѣ неизвѣстной новинки, тѣмъ не менѣе оба тома полны интереса и для специалиста, и вообще для читателя, не чуждаго научнымъ изслѣдованіямъ о развитіи религіознаго чувства въ человѣчествѣ. Въ обоихъ томахъ мы имѣемъ переводы, сдѣланные или знаатоками, или ориенталистами, пользующимися извѣстностью; переводамъ предпосланы введенія, цѣль которыхъ установить для читателя надлежащую точку зрѣнія на переведенный памятникъ, разъяснить ему время появленія, и показать значеніе переводимой книги въ цѣлой литературѣ. Задача не легкая въ санскритской филологіи вообще, а въ области буддйскихъ изслѣдованій въ особенности. Трудность эта очень хорошо сознается всѣми изслѣдователями. По мнѣнію автора переводовъ, помѣщенныхъ въ XI томѣ разбираемаго изданія, наше теперешнее знакомство съ палийскимъ канономъ то же, что полное его незнаніе (the present state of our knowledge, or rather ignorance, of the Pāli Pitakas...)¹⁾, и хотя, не смотря на такое откровенное заявленіе, тотъ же писатель, на первой стра-

¹⁾ Vol. XI, стр. XXXIII.

ницѣ своего введеніи, смѣло утверждаетъ, что въ его томѣ заключается a collection of texts which should be as complete a sample as one volume could afford of what Buddhist scriptures, on the whole, contain, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду первое показаніе, читатель по необходимости долженъ отнестись недовѣрчиво ко второму. Одно изъ двухъ: или г. Р. Дэвидсъ, вмѣстѣ съ другими современными изслѣдователями, плохо (то-есть, даже совсѣмъ не) знакомъ съ содержаніемъ палийскихъ питаекъ,—въ такомъ случаѣ не смѣло ли утверждать, что изданные имъ переводы представляютъ полное собраніе образчиковъ содержанія палийскаго канона; или второе вѣрно, тогда первое скромное заявленіе окажется по меньшей мѣрѣ излишнимъ. Думаемъ, однакоже, на основаніи многихъ данныхъ, что г. Р. Дэвидсъ, заявляя первое, былъ болѣе правъ, нежели давая свое второе показаніе. Буддисты, какъ извѣстно, имѣютъ громадную массу священныхъ книгъ на различныхъ языкахъ, въ оригиналахъ и переводахъ; во всей этой обширной литературѣ нѣтъ ни одной книги догматическаго содержанія — священной по преимуществу, одинаково чтимой буддистами всѣхъ толковъ; нѣтъ памятника, занимающаго въ цѣлой буддійской литературѣ то же положеніе, какъ напримѣръ, Куранъ въ мусульманской, или Библия у христіанъ. Отсюда, само собою разумѣется, выборъ памятника для такого изданія, какъ „Sacred books of the East“, представляетъ особыя трудности. Автору перевода должны быть вполнѣ лсны тѣ главенствующія идеи буддизма, которыя въ различныхъ эпохи были различны. Можно было бы набрать множество буддійскихъ памятниковъ, прославляющихъ строгій аскетизмъ или широкое милосердіе ко всему существу, и вся эта масса образчиковъ буддійской литературы весьма мало разъяснила бы читателю неспеціалисту основную сущность цѣлой религіозной системы, не объяснила бы ему, почему эта система безотраднато пессимизма овладѣла религіознымъ сознаніемъ значительной части рода человѣческаго. Другая трудность, которую неминуемо встрѣтитъ всякій переводчикъ, состоитъ въ хронологическомъ опредѣленіи избраннаго памятника. Такимъ образомъ, онъ долженъ сказать читателю, почему избранный имъ памятникъ почитается имъ характернымъ образцемъ буддійской литературы, и къ какому времени онъ относится. Разсматривая содержаніе названныхъ выше двухъ томовъ съ сейчасъ намѣченной точки зрѣнія, намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, разъяснили ли читателю авторы переводовъ значеніе избранныхъ ими памятниковъ и опредѣлили ли удовлетворительно ихъ эпоху. Двое переводчиковъ, Максъ Мюллеръ и Р. Дэвидсъ, значитель-

ную часть руководящихъ введений къ своимъ переводамъ посвящаютъ именно разсмотрѣнію хронологическаго вопроса. Краткое, но весьма содержательное введене третьяго переводчика, Фаусбеля, — совершенно иного характера; къ его разсмотрѣнію мы вернемся впоследствии, а теперь обратимся къ изложенію и разбору изслѣдованій двухъ первыхъ ориенталистовъ. Для Р. Дэвидса вопросъ о времени избранныхъ и переведенныхъ имъ памятниковъ можетъ быть рѣшенъ съ полнымъ вѣроятіемъ, или говоря его же словами, „can be fixed without much uncertainty“; читатель, прочитавъ такое рѣшительное и увѣренное положеніе, конечно, будетъ нѣсколько изумленъ, узнавъ далѣе, что выводъ, полный вѣроятія, получается на основаніи гипотезы, научное значеніе которой оцѣнивается авторомъ весьма оригинально; на эту гипотезу авторъ рекомендуетъ смотрѣть такимъ образомъ: „it should not however be looked upon as anything more than a good working hypothesis to be accepted until all the texts of Buddhist Pāli Suttas shall have been properly edited“ ¹⁾. Его аргументація, по собственному сознанию, только вѣроятна, но не вѣрна (amounts only to probability, not to certainty); выводъ почти, но не совсѣмъ вѣренъ (This conclusion, however, is only almost, and not quite certain); дата удовлетворительна только для настоящаго времени и имѣетъ практическое значеніе (a provisional date sufficient at present for practical purposes, — то-есть, для писанія ученыхъ введений?). Не столь самоувѣренны и, конечно, не исполнены противорѣчій положенія и выводы Макса Мюллера; но въ сущности, какъ Р. Дэвидсъ, такъ и Максъ Мюллеръ, вовсе и не рѣшаютъ вопроса о времени переведенныхъ ими памятниковъ, а занимаются разсмотрѣніемъ болѣе общаго вопроса о времени всего палийскаго канона; при рѣшеніи же этого послѣдняго вопроса обращаются къ старымъ гипотезамъ, недавно подновленнымъ весьма искусною аргументаціей, но едва ли выдерживающимъ какую-либо, хотя бы самую снисходительную и нетребовательную критику.

Выводы о времени всего канона, но не переведенныхъ ими памятниковъ, оба сейчасъ названные ориенталисты строятъ на основаніи давно извѣстныхъ и по сіе время едва ли правильно оцѣненныхъ преданій о такъ-называемыхъ буддійскихъ соборахъ, и какъ Р. Дэвидсъ, такъ и Максъ Мюллеръ, вполне слѣдуютъ аргументаціи д-ра Ольденберга, появившейся нѣсколько ранѣе. Вопросъ о томъ, на сколько это преданіе достовѣрно или какъ оно древне — не обсуждается ни однимъ

¹⁾ Vol. XI, стр. X, XI, XII.

изъ названныхъ ученыхъ; между тѣмъ совершенно очевидно—правильность вывода находится въ прямой зависимости отъ характера и степени достовѣрности преданій о соборахъ.

II.

Палійскіе комментаторы священнаго писанія предпосылаютъ своимъ толкованіямъ на нѣкоторыя части „трехъ сосудовъ“, (то-есть, трехъ-питаекъ) краткій обзоръ древнѣйшихъ судебъ буддійскаго священнаго канона; такое введеніе съ ихъ точки зрѣнія не только умѣстно, но и безусловно необходимо вслѣдствіе ихъ догматическаго воззрѣнія на всецѣлость содержанія канона. Они вѣрили точно также, какъ и современные буддисты твердо вѣрують, что въ „трехъ сосудахъ“ содержится только слово ихъ вѣщаго Учителя, и въ доказательство непреложной истинности своей вѣры разказываютъ, какъ это слово, не смотря на всякаго рода опасности, грозившія его чистотѣ, благодаря усиліямъ святыхъ мужей сохранило свою чистоту неприкосновенною, и черезъ двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ ученіе нисколько не измѣнилось, осталось совершенно такимъ же, какъ и въ то время, когда оно было живымъ глаголомъ великаго учителя. Являлись поносители святаго закона, еретики пытались затемнить истину лжеученіями, но мужи святые, преемники великаго, умѣли бороться съ врагами и преодолевать ихъ. Они собирались купно въ одно мѣсто, твердо и свято храня въ своей памяти всѣ слова отошедшаго вѣщаго, устранивали спѣвки, пропѣвали вмѣстѣ слова Учителя, какъ бы возобновляли въ своей памяти новое авторизованное изданіе святыхъ проповѣдей; всякія новшества и лжеученія тщательно отмѣтались. Въ живыхъ сосудахъ, въ памяти святыхъ мужей хранилось только древнее и истинное ученіе.

Черезъ длинный рядъ преемства святыхъ учителей древнее и истинное ученіе, хранимое въ памяти, дожило наконецъ до того времени, когда святость между людьми стала умаляться, и спустя нѣсколько столѣтій по смерти Учителя происходитъ на Цейлонѣ общее внесеніе ученія въ книги. Такимъ образомъ все, что буддисты разказываютъ объ исторіи своего канона, съ ихъ точки зрѣнія неопровержимо доказываетъ полную истинность основнаго догмата о томъ, что въ трехъ питакахъ содержатся только подлинныя слова Учителя. Въ древнѣйшихъ судьбахъ буддійскаго канона преданіе отмѣчаетъ три важные факта; палійскій канонъ, по религіозному созна-

нію вѣрующіихъ, древенъ и содержитъ истинное слово Учителя; въ продолженіе многихъ столѣтій и до нашихъ дней онъ сохранился неизмѣннымъ, благодаря усиліямъ святыхъ мужей, которые умѣли во время 1) собирать сходки или устраивать спѣвки (сангити), то-есть, по переводу европейскихъ изслѣдователей созывать соборы; соби- рались же эти сходки потому, что въ буддійской общинѣ, на зарѣ ея исторической жизни, появлялись новшества, лжеученія, иначе раз- вились 2) еретическія секты. Оба отмѣченные факта относятся къ древнѣйшей исторіи буддійскаго канона; третій знаменательный фактъ въ развитіи того же священнаго писанія, то-есть, внесеніе ученія въ книги свершился гораздо позднѣе. Кромѣ сейчасъ названныхъ собы- тій, преданіе сохранило весьма немного достовѣрныхъ извѣстій, о судьбахъ какъ самой общины, такъ и ея священнаго канона; а потому, при такой скудости историческихъ данныхъ, нисколько не удивитель- но, что до сихъ поръ, какъ только возникаетъ вопросъ о хронологи- ческомъ опредѣленіи какого-либо буддійскаго памятника, европейскій изслѣдователь становится на точку зрѣнія палийскаго комментатора, то-есть, обращается къ извѣстіямъ о сходкахъ буддійскихъ аскетовъ въ первыя вѣка ихъ историческаго существованія, и на основаніи скуд- ныхъ, взаимно противорѣчивыхъ и ясно тенденціозныхъ извѣстій о сходкахъ или соборахъ, какъ ихъ принято называть между европей- скими учеными, рѣшается вопросъ не о времени одного извѣстнаго памятника, а цѣлаго канона 1).

Вопросъ о времени памятника, разсуждаютъ обыкновенно, — не можетъ быть рѣшенъ на основаніи палеографическихъ данныхъ; всѣ дошедшія до нашего времени рукописи слишкомъ новы; изслѣдова- телю подлежатъ очень новые списки весьма древнихъ сочиненій; не болѣе надежными руководителями оказываются лингвистическія дан- ныя. Остается одинъ способъ для рѣшенія вопроса о времени памят- ника, то-есть, строится такой силлогизмъ: разсматриваемый памятникъ въ настоящее время составляетъ часть канона, опредѣляя время всего канона, мы опредѣлимъ время нашего памятника 2). При этомъ совершенно упускается изъ виду, что никакихъ нѣтъ указаній на то, изъ какихъ частей канонъ состоялъ въ древности и всегда ли въ него входили однѣ и тѣ же части. А нѣкоторые соображенія по

1) См. напримѣръ, *Oldenberg, Mahāvagga*, стр. XXV и сл.; *Max Müller, Sacred books of the East*, vol. X, стр. XXIX; *Rhys Davids*, тамъ же vol. XI, стр. XI слѣд.

2) *Max Müller*, vol. X, стр. X.

этому послѣднему вопросу бывають иногда не чужды даже наивности. Такъ М. Мюллеръ высказываетъ слѣдующее: Вторая глава Дхаммапады называется *arrahāda vaggo*; если въ Махавансѣ (то-есть, въ цейлонской хроникѣ конца V вѣка по Р. X.) намъ разказывается, что во время обращенія царя Асоки монахомъ Нигродха, буддійскій монахъ объяснялъ ему *arrahāda-vaggo*, мы едва ли можемъ сомнѣваться, что уже въ то время существовало собраніе стиховъ объ *arrahāda* такое же, какое мы имѣемъ теперь въ Дхаммападѣ и Саннютанникаѣ⁴ (vol. X, стр. XXXII). На основаніи показанія памятника V в. по Р. X. утверждается существованія литературнаго произведенія въ III в. до Р. X. Существованіе въ III в. до Р. X. нѣкоторыхъ стиховъ, нѣмъ извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ Дхаммапада весьма вѣроятно, но конечно, не свидѣтельствами столь позднаго памятника какъ Махавансо—долженъ доказываться фактъ ихъ существованія въ то время. Вопросъ о томъ, всегда ли канонъ состоялъ изъ тѣхъ же частей, на которыя онъ дѣлится теперь, обходится молчаніемъ, или же устраниается соображеніями, лишенными всякой вѣроятности; затѣмъ обращаются къ опредѣленію времени всего канона.

Для опредѣленія времени палийскаго канона есть два важные факта: 1) канонъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принадлежитъ намъ теперь, не упоминаетъ о третьемъ соборѣ времени Асоки, около 242 г. до Р. X.; 2) въ канонѣ упоминаются первый соборъ въ Ражагрихѣ (477 до Р. X.) и второй въ Вайшали (377 до Р. X.).

На основаніи этихъ двухъ фактовъ выводится, что канонъ получилъ законченный видъ въ промежутокъ времени послѣ втораго собора и до третьяго, или же во время третьяго собора. Быть можетъ, даже значительная часть канона существовала до втораго собора; описаніе двухъ соборовъ находится въ концѣ Винай-питаки, и въ этомъ обстоятельствѣ усматривають указанія на то, что эти отчеты были послѣдними авторизованными частями канона. Теорія эта, впервые высказанная съ большимъ искусствомъ Ольденбергомъ, съ незначительными видоизмѣненіями была принята авторами двухъ разбираемыхъ томовъ. Значеніе, даваемое изслѣдователями преданію о соборахъ въ дѣлѣ хронологическихъ разысканій, естественно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о времени его происхожденія и объ отношеніи традиціоннаго разказа къ историческому факту. Извѣстій о соборахъ, современныхъ факту, пока не найдено и буддисты разныхъ толковъ признають не одно и то же число соборовъ; но всѣ,

кажется, согласны въ томъ, что было первое собраніе святыхъ мужей тотчасъ по смерти Учителя, и другое черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ. Объ этихъ двухъ первыхъ сходкахъ сохранились извѣстія не одинаковой древности; наиболѣе старыя вошли въ составъ канона, другія, болѣе позднія, находимы у палійскихъ комментаторовъ, въ цейлонскихъ хроникахъ, у китайскихъ путешественниковъ и буддійскихъ историковъ (Таранатха).

Относительно достовѣрности извѣстій о двухъ первыхъ соборахъ, мнѣнія европейскихъ изслѣдователей расходятся. Нѣкоторые принимаютъ, что до насъ дошли извѣстія, какъ о первомъ, такъ и о второмъ соборѣ одинаково достовѣрныя; другіе, напротивъ, начинаютъ исторію канона со времени второго собора, и не признаютъ за извѣстіями о первомъ соборѣ никакой исторической достовѣрности, хотя разказы, какъ о первомъ, такъ и о второмъ соборѣ, повторяются въ однихъ и тѣхъ же источникахъ, и по своей сущности одинако вѣроятны: въ нихъ нѣтъ ни мнѣческихъ подробностей и разукрашеній, словомъ, ничего такого, что лишало бы ихъ правдоподобія; не слѣдуетъ только въ этихъ разказахъ о такъ-называемыхъ соборахъ смѣшивать двѣ стороны, не въ одинаковой степени достовѣрныя: самый фактъ сходокъ едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію; при самомъ крайнемъ скептицизмѣ едва ли найдется дѣйствительно вѣское и неопровержимое соображеніе отрицательнаго характера; сходки устроились совершенно естественно, и были необходимымъ слѣдствіемъ даннаго положенія дѣлъ. Умираетъ великій Учитель, его осиротѣлые ученики собираются для погребальныхъ обрядовъ; но вслѣдъ затѣмъ въ общинѣ проявляется какой-то духъ неурядицы; между аскетами объявились люди съ грѣховными помыслами; они какъ будто обрадовались событію, тяжкому и горестному для большинства общины; въ смерти Учителя они усмотрѣли эмансипацію отъ тяжелыхъ узъ суроваго аскетизма и громко возликовали: „не плачьте, не горюйте, нѣтъ того, кто бдительно стоялъ на сторожѣ, и говаривалъ намъ: того-то и того-то не дѣлайте“. Настроеніе паствы грозило разрушеніемъ и молодой общинѣ, и ученію, создавшему ее; члены общины, уразумѣвшіе опасность, естественно должны были позаботиться о пресѣченіи зла, собрать единомышленниковъ и обсудить положеніе дѣлъ; такимъ образомъ вслѣдствіе именно этихъ причинъ состоялась первая сходка буддійскихъ аскетовъ или первый буддійскій соборъ.— Проходитъ сто лѣтъ, въ общинѣ появляются какія-то новшества, возникаютъ ложные толки, лжеученія, и она собирается вновь для

обсужденія своихъ дѣлъ. Устраивается, какъ и въ первомъ случаѣ, судъ и расправа, нѣчто подобное современнымъ кастовымъ панчаятамъ; характеръ судьбищъ остался за соборами во всѣхъ разказахъ, хотя не безъ очевидной тенденціи традиція придала имъ обликъ конклавовъ, собранныхъ съ богословско-литературною цѣлью.

Но если сходки или спѣвки древнихъ буддистовъ были сборищами, подобными панчаятамъ, значеніе ихъ въ исторіи канона умалется до крайней степени. Преданіе въ своемъ полномъ развитіи, а вмѣстѣ съ нимъ и большинство европейскихъ изслѣдователей, придаютъ сходкамъ совершенно иной характеръ: то были, говорятъ намъ,—соборы, конклавы, редактировавшіе священное буддійское писаніе; извѣстія различныхъ источниковъ одинаково свидѣтельствуютъ, что на первой по времени сходкѣ святые мужи занимались богословско-литературною дѣятельностью; но самую литературную работу каждый источникъ описываетъ по своему. Въ однихъ сказаніяхъ неопредѣленно и глухо говорится о литературной дѣятельности святыхъ мужей, собравшихся на конклавъ; въ другихъ, напротивъ, отмѣчаются многія мелочныя черты этой соборной богословско-литературной дѣятельности, въ выраженіяхъ точныхъ, недопускающихъ никакого сомнѣнія, утверждается, что весь палийскій канонъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлежитъ намъ въ настоящее время, уже существовалъ въ моментъ смерти Учителя. Словомъ, въ палийскихъ разказахъ говорится, очевидно, о палийскомъ канонѣ; въ Сифинъ-плато¹⁾ упоминается о другой винаѣ въ 80 стиховъ, Сюанъ-цзанъ, конечно, разумѣлъ иной канонъ; а Фа-сянъ довольно неопредѣленно отмѣчаетъ при разказѣ о первомъ соборѣ канонъ Махасангхиковъ—секты, явившейся, завѣдомо гораздо позднѣе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что преданіе разныхъ сектъ расходилось по этому пункту; всѣмъ имъ было обще желаніе начинать исторію своего канона съ момента смерти Учителя, у всѣхъ было желаніе доказать его подлинность именно въ этомъ смыслѣ. Амплификаціи различныхъ редакцій не были случайными или неумышленными разукрашеніями первоначальныхъ разказовъ; въ подробностяхъ, нараставшихъ на остовѣ простѣйшаго и древнѣйшаго извода преданія совершенно ясно сказываются вполне сознательныя желанія придать разказу о сходкахъ опредѣленный характеръ; сочинитель преслѣдовалъ цѣль ясно намѣченную: ему нужно было доказать не только древность и святость своего канона, но въ то же время онъ

¹⁾ Васильевъ. Буддизмъ. I. Стр. 224.

желалъ устранить всякую возможность сомнѣнія въ томъ, что канонъ есть слово вѣщаго, ему нужно было возвести начало священнаго писанія ко временамъ Учителя. Такая задача могла явиться въ общинѣ лишь въ моментъ, когда подлинность канона заподозривалась и совершенно очевидно, что въ эпоху ближайшую къ живой дѣятельности Учителя, вскорѣ послѣ Его смерти истинность святого слова, принятаго въ общинѣ, не могла быть заподозрѣваема кѣмъ-либо; у всѣхъ было свѣжо въ памяти ученіе великаго аскета, самихъ словъ и изрѣченій,—допуская самую широкую проповѣдническую дѣятельность мудреца изъ рода Сакьевъ,—едва ли было много въ то время. Скептицизмъ и отрицательное отношеніе къ священному писанію могли явиться или среди разныхъ еретическихъ сектъ въ моментъ ихъ народненія, или даже позднѣе, въ ту знаменательную эпоху, когда старое направленіе въ буддизмъ смѣнилось новымъ трансцендентальнымъ махаянскимъ.

Секты, какъ увидимъ далѣе, утверждали многое, что по мнѣнію другихъ толковъ, не согласно было съ доктриной Учителя; говорилось многое неподобное объ арханъ или святомъ, утверждалось существованіе души какъ отдѣльной субстанціи, но выставляя ложныя философскія положенія, еретики весьма часто ссылались на слова учителя, то-есть, на изрѣченія изъ писанія, признаннаго святымъ въ общинѣ; ихъ противники въ отвѣтъ утверждали, что лжеучители даютъ превратное толкованіе святымъ словамъ; подлинность самихъ словъ, послужившихъ точкою отправленія и основаніемъ для построенія ложныхъ теорій, при этомъ, не заподозривалась; полагали возможнымъ устранить совершенно и опровергнуть лжеученіе доктриной о двухъ смыслахъ въ проповѣдяхъ учителя, то-есть, принимали въ его словѣ безусловно истинное значеніе и другое условное; послѣднее дало начало лжеученіямъ, потому что было невѣрно истолковано еретиками; въ нѣкоторыхъ случаяхъ противники такъ-называемыхъ лжеученій шли далѣе и утверждали, что еретики искажали тексты, сочиняли подложныя изрѣченія; не изъ чего не видно, однакоже, чтобы въ первый періодъ буддійской исторіи скептицизмъ достигъ того развитія, которое ясно сказывается въ Махаянѣ. Махаяна отправлялась въ своихъ теоріяхъ отъ новой точки зрѣнія, отличной отъ сравакской или хинаянческой, и была враждебна ученію сраваковъ, крайней мѣрѣ въ началѣ своей исторіи. Выѣстъ съ ея появленіемъ самая сущность Учителя стала пониматься иначе, нежели въ древнѣйшую эпоху. Учитель, говорили нѣкоторые, пребываетъ вѣчно на

небѣ Тушита, оттуда онъ испосылаетъ воплощеніе проповѣдника; не вѣщій проповѣдовалъ законъ, а Ананда. Сравакамъ приходилось защищать подлинность и святость своего канона, доказывать прямое и непосредственное происхожденіе своихъ книгъ отъ Учителя; явилась необходимость излагать исторію канона. Преданія о первыхъ сходкахъ уже существовали; подъ руками имѣлись матеріалы, — сознательно имъ придали въ пересказахъ иной, необходимый для извѣстной цѣли характеръ, и изъ сказаній о сходкахъ, собиравшихся для рѣшенія общинныхъ дѣлъ, сочинили протоколы конклавовъ, занимавшихся литературно-богословскими работами.

Въ старѣйшемъ разказѣ о первомъ соборѣ несомнѣнно уже есть нѣкоторое вліяніе махаяническихъ идей. И по этимъ чертамъ можно съ большимъ правдоподобіемъ опредѣлить время самой редакціи разказа. Въ разказѣ вошли три различные эпизода: 1) сказаніе о поводѣ или ближайшихъ причинахъ къ созванію сходки, 2) о ея дѣятельности, 3) о судѣ надъ Анандой. Эпизодъ объ Анандѣ весьма любопытенъ.

Онъ начинается вслѣдъ за описаніемъ литературной дѣятельности конклава. Ананда подвергается суду; собраніе приглашаетъ его къ приношенію покаянія въ нѣсколькихъ грѣхахъ; одинъ изъ грѣховъ останавливаетъ на себѣ особое вниманіе читателя. Анандѣ говорятъ: „И это, Ананда, твой грѣхъ; Господь творилъ великія знаменія, свершилъ великое просвѣтленіе, а ты не просилъ Господа: живи, Господи, цѣлую калпу (то-есть, милліоны лѣтъ), живи, Господи, цѣлую калпу на пользу и во благо многимъ людямъ, сострадая о мірѣ, на пользу и во благо богамъ и людямъ“.

Судъ надъ Анандой, его покаянія разказываются не только въ палийскихъ источникахъ; Сванъ-цванъ и ранѣе его Фа-сянъ описываютъ, что видѣли ступы на томъ мѣстѣ, гдѣ Ананда приносилъ покаяніи; эпизодъ съ Анандой имъ былъ, очевидно, также извѣстенъ; важность разказа не опредѣляется, однакожь, исключительно его распространенностью среди многихъ сектъ. Совершенно по другимъ соображеніямъ онъ знаменателенъ: очевидно, авторъ разказа, заставлявшій святыхъ мужей упрекать Ананду въ таковомъ грѣхѣ, самъ вѣрилъ, что вѣщій можетъ прожить цѣлую калпу, то-есть, милліонъ лѣтъ на пользу и во благо міру. Такое убѣжденіе дѣйствительно существовало въ нѣкоторыхъ сектахъ и въ махаянѣ; палийскій канонъ знаетъ и объявляетъ его еретическимъ ¹⁾.

¹⁾ Въ Kathā vatthu pakarana.